

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	7
ОДИН	10
ДВА	15
ТРИ	28
ЧЕТЫРЕ	47
ПЯТЬ.....	65
ШЕСТЬ.....	82
СЕМЬ	97
ВОСЕМЬ	117
ДЕВЯТЬ.....	128
ДЕСЯТЬ.....	139
ОДИННАДЦАТЬ.....	150
ДВЕНАДЦАТЬ	165
ТРИНАДЦАТЬ	180
ЧЕТЫРНАДЦАТЬ.....	197
ПЯТНАДЦАТЬ	208
ШЕСТНАДЦАТЬ.....	218
СЕМНАДЦАТЬ.....	233
ВОСЕМНАДЦАТЬ	249

ДЕВЯТНАДЦАТЬ	265
ДВАДЦАТЬ.....	281
ДВАДЦАТЬ ОДИН	293
ДВАДЦАТЬ ДВА.....	312
ДВАДЦАТЬ ТРИ	328
ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ	341
ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ	355
ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ.....	366
ДВАДЦАТЬ СЕМЬ	378
ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ	394
ЭПИЛОГ	401
БЛАГОДАРНОСТИ	409
ОБ АВТОРЕ	413

Потерявшиеся и непонятые,
это — для вас

ПРОЛОГ

*Ты стояла передо мной, воспоминание, —
и не узнавала меня. Ты забывала вспо-
мнить или вспоминала, чтобы забыть?*

Оливер Мастерс

Мия

Никогда не забуду день, когда тебя потеряла. Ты чуть приподнял голову, и наши взгляды встретились. Там, где прежде щемящая ранимость сталкивалась с любопытством, я видела лишь пустоту. Теперь это была настоящая бездна. Твои зеленые глаза никогда не были такими тусклыми. Что-то внутри меня тут же обрвалось, полетело вниз все быстрее и быстрее, туда, где не было стен, не было дна — только темнота.

А потом ты отвел взгляд.

Плоть моя, кровь моя, воздух в моих легких — все куда-то рухнуло, все рассыпалось на сотни маленьких кусочков, которые все еще держались на тонкой нити, ведущей к моему сердцу. Оно билось на автопилоте, словно перестало быть частью моего тела. Стук его отдавался в ушах, и я так хотела, чтобы оно остановилось, но сердце мое не было к этому готово. Оно продолжало биться в четком ритме, отказывалось мириться с тем, что видели мои глаза.

«Посмотри на меня снова», — подумала, взмолилась я.
И я ждала.

Две секунды прошло. Потом три... мое тело стало слабым из-за того, что между нами ничего не осталось, но сердце все еще билось.

Четыре.

А потом твой взгляд вернулся.

И пусть того, что когда-то нас связывало, больше не существовало, но я помню все так ясно. Это нечестно. Могла ли я принять эту пустоту в твоём взгляде, когда раньше он сиял любопытством? Конечно, что бы ты ни предложил — все лучше, чем ничего. Если бы ты обернулся... Заметил ли ты меня вообще?

А потом ты сделал шаг в сторону.

Просто исчез в неизвестности, и я не смогла тебя вернуть, но в сердце все еще билась алая надежда.

«Останься со мной», — повторял ты снова и снова.

Кто бы мог подумать, что это ты уйдешь первым?

Я кричу, разве ты меня не слышишь? Почему ты со мной не остался?

Я не смогла поцеловать тебя на прощание. Тебя больше не было, хотя ты сидел в двадцати футах от меня. И я по тебе скучала. Но, может быть, ты очнешься и снова повернешься ко мне. Или очнусь я.

В любом случае сейчас мы в кошмаре.

Заставляю себя закрыть глаза: не могу смотреть на то, как ты уходишь. Каждый шаг отдается эхом, все сильнее отдаляя возможность твоего возвращения. Во тьме лучше. Если я просижу с закрытыми глазами подольше, то однажды увижу звезды.

Я сосредоточилась на желто-оранжевом горизонте под веками, представила, что смотрю на закат. Горько. Единственным теплом, что я чувствовала, была соленая вода, собирающаяся в уголках глаз. Слезы сражались с той же ложью, что и мое бьющееся сердце.

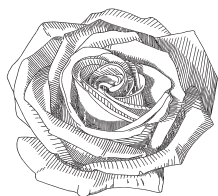

Я бы хотела поменяться с тобой местами, потому что не заслуживаю мира, озаренного твоим светом. Ты не заслуживаешь того, что с тобой случилось.

Но я... я заслуживаю.

В самом начале я просто хотела повеселиться. Думала, что ты поможешь мне хорошо провести время, а после получится уйти от тебя безо всяких сожалений. Это ведь я топтала чужие сердца, но теперь... теперь это мое сердце истекало кровью. До тебя окружающие меня стены были неприступными.

Теперь не осталось ни тебя, ни стен, и я медленно задыхалась. Не могла и подумать, что из нас двоих именно мне придется все потерять.

ОДИН

Падая сквозь тьму, она не кричала о помощи. Она давно лишилась рассудка. Ей нравилось падать.

Оливер Мастерс

Когда мачеха находила в моем шкафу очередного парня, то тут же сообщала, что однажды меня куда-нибудь посадят за безрассудное поведение. Я ей не верила. Да и какое мне вообще дело? Ее слова меня только бесили и раздражали.

Потому однажды я украла ключи от ее BMW третьего поколения и врезалась прямо в гаражную дверь.

Диана устала от моих выкрутасов и винила во всем отца, а он, в свою очередь, все меньше верил в то, что меня можно вылечить. Мой отец был человеком простым и не чурался пассивной агрессии. Он выслушивал совершенно выдуманную тираду, льющуюся с идеально накрашенных губ Дианы, сидя за обеденным столом и глядя в пустоту.

Мне ведь даже не особо нравился тот парень. Я просто хотела хоть что-то почувствовать. Что угодно.

Мне было почти девятнадцать, когда отец и мачеха решили обратиться к властям: инцидент с BMW стал последней каплей. Это стало моим последним предупреждением, меня действительно готовы были запереть в психушке, если бы отец не убедил судью отправить

меня в Долор — заведение у черта на куличках, созданное для таких, как я.

Не поймите неправильно: я знала, что у меня проблемы. Но я никогда не думала о том, что существуют такие же люди. Тем более в таком количестве, чтобы открыть для них целую школу.

В какой момент мне стало хуже? Полагаю, так было с самого начала. Я разрешала парням пользоваться собой не ради них.

Все это было выгодно только мне.

Так хотелось чувствовать на себе их руки, их губы, их нетерпение и возбуждение, будто бы это могло помочь разжечь во мне хоть что-то. Этого никогда не случилось, но я всегда надеялась, что рано или поздно сработает. Боль, желание, гнев, страсть — хоть что-нибудь. Сердце мое оставалось камнем. Душа уже окоченела, если у меня вообще была душа. Я в этом сомневалась.

Чемодан я успела собрать только наполовину: он лежал на краю кровати, а я нависала над ним сверху. Мне нечего было с собой взять. Фотографий не было, любимых одеяла или подушки — тоже, у меня не было вещей даже из разрешенного списка. Радовали лишь мои наушники, но их наверняка конфискуют у входа. Я открыла ящик прикроватного столика, достала оттуда коробочку с презервативами — их, вроде, не запрещали — и запихнула в тайный кармашек на дне чемодана.

Довольная собой, я с силой захлопнула крышку чемодана и застегнула молнию. На Диану я не злилась. Если бы злилась, это значило бы, что чувства у меня все-таки есть. На самом деле я ее даже не винила: если бы у меня была такая падчерица, я бы тоже позвонила копам.

— Мия, ты собралась? — прокричал отец с первого этажа. Я не ответила.

— Мия Роуз Джетт!

— Еще две минуты! — Я поставила едва заполненный чемодан у двери комнаты и оглядела голые стены своей тюрьмы. В конце концов, скоро я въеду в новую.

Я никогда ничего не вешала на стены. Ничего не оставляла на кровати, у зеркала или на столе. Никаких кусочков личности. Когда я выйду за дверь, то никто не догадается, что именно я здесь жила. Они наверняка сделают из этой комнаты гостевую спальню. У Дианы — зуб даю — уже есть доска на «Пинтересте» для нового декора.

— Ох, нет. В этом ты не поедешь. — Стоявшая у лестницы Диана подняла на меня недовольное лицо.

Высветленные волосы она стригла коротко, и прическа ее оставалась идеальной, даже когда она слегка склоняла голову. Слишком много лака. Если подумать, я никогда в жизни не видела ее другой: волосы уложены, выпрямлены, каждая прядь на своем месте. Даже когда она занималась 15-минутной зарядкой после обеда с приоткрытой дверью.

— А что не так с моей одеждой? — Я опустила взгляд на свою огромную черную футболку с надписью «МИЛАЯ ПСИХОПАТКА» и поношенные джинсовые шорты, из которых торчали мои тонкие куриные ножки.

Из-за футболки можно было подумать, что на мне ничего нет. Но это было не так. *Обещаю, папа.*

— Все так. Поехали. Мы и так уже опаздываем в аэропорт. — Отец помахал мне рукой.

Он изо всех старался избежать скандалов, и я иногда задумывалась: кого он боится больше, меня или Диану? Я стояла на лестнице и только теперь заметила залысину, на которую он все это время жаловался. Раньше я никогда ему не верила, но теперь все разглядела. Когда-то он был вполне симпатичным мужчиной, но даже

присутствие Дианы не уберегло его от одиночества, которое выжало из него все соки. Под карими глазами висели мешки, и мышцы его тоже обвисли.

Брак с кем угодно подобное сделает.

Я начала спускаться, чемодан подпрыгивал за мной на каждой ступени.

— Могла хотя бы причесаться, — пробормотала Диана, выходя из двери передо мной и отцом. Я сжала губы — ну и двуличная же она! Я ведь хотя бы *могла* провести расческой по волосам, в отличие от нее.

— Еще чуть-чуть. — Отец схватился за ручку чемодана и поставил его позади себя.

И он был прав. Еще одиннадцать с половиной часов, и я окажусь примерно за три тысячи четыреста сорок семь миль от них обоих. Он хотел идеальной жизни, поэтому мне в ней места не было. И ладно. Я подготовилась. Я знала, что ждет меня на той стороне.

Институт Долор был исправительным заведением, тюрьмой, созданной специально для беспокойных душ и преступников с ментальными заболеваниями, зависимостями и неважнецким воспитанием, которые привели их на кривую дорожку. Располагался он в Британии. Полагаю, они выбрали его неслучайно: так родители не будут чувствовать себя обязанными меня навещать. Этому я тоже не противилась. Пусть отправляют куда угодно: не хочу находиться рядом с людьми, которые меня терпят. Изоляция для меня — рай на земле, лучше не придумаешь.

По дороге в аэропорт я пялилась в окно, наматывая грязную коричневую прядь на палец. Отец же разглагольствовал об институтском расписании.

— С историей Мии Роуз... нужно было определить ее в чисто женскую школу, — нахмурилась Диана.

— Мие Роуз не повредит разнообразие, — напомнил ей отец.

